

Капитан М.

Аромат возмездия

Капитан М.

Аромат возмездия

«Автор»

2026

М. К.

Аромат возмездия / К. М. — «Автор», 2026

Шеф-повар Жюльен Кросс, обладатель феноменального обоняния, становится свидетелем убийства дипломата в собственном ресторане. Убийца-призрак, невидимка, оставляет после себя лишь запах редкой травы. Жюльен, используя свой дар, начинает охоту на киллера, которая приводит его с кухни на чёрные рынки специй, в подпольные лаборатории, на Сицилию и в пустыни. Отравляя врагов экзотическими ядами и полагаясь на свой нос, он превращается из мирного повара в безжалостного мстителя, пока сам не становится мишенью. Захватывающий боевик о вкусе, возмездии и цене справедливости.

© М. К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ноты бергамота и смерти	5
Глава 2. Вкус пепла на губах	12
Глава 3. Тень вулкана	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Капитан М.

Аромат возмездия

Глава 1. Ноты бергамота и смерти

Вечерний Париж, залитый огнями, напоминал опрокинутую чашу с драгоценностями. Сквозь призму легкого сентябрьского дождя, моросившего над городом, свет фонарей дробился на миллионы влажных осколков, стекавших по брусчатке улицы Шерш-Миди. Но здесь, на втором этаже особняка восемнадцатого века, вдали от уличной сырости, царила иная, рукотворная вселенная. Здесь пахло не мокрым камнем и выхлопными газами, а жареным фундуком, трюфельным маслом и едва уловимым, будоражащим ноздри обещанием увядающей розы, исходившим от букета на столике у входа.

«Ле Манускрит» был не просто рестораном. Это был храм, алтарь, возведенный во славу чревоугодия. Место, куда записывались за полгода и куда приходили не для того, чтобы утолить голод, а чтобы пережить откровение. И главным жрецом этого храма был Жюльен Кросс.

Тридцатишестилетний шеф-повар стоял в святая святых — на своей кухне, — но выглядел так, словно находился на дирижерском подиуме филармонии. Высокий, подтянутый, с резкими, словно высеченными из светлого мрамора скулами и коротко стриженными пепельными волосами. Его белый китель сидел на широких плечах как влитой, подчеркивая узость талии. Глаза, цвета грозового неба, были сейчас полуприкрыты, а тонкие ноздри прямого носа едва заметно трепетали. Он не смотрел на соус. Он слушал его запах.

Вокруг кипела отлаженная, почти безмолвная работа. Бригада из восьми поваров двигалась с точностью часового механизма. Лязг ножей, шипение масла, бульканье бульона — все это сливалось в симфонию, понятную только посвященным. Но для Жюльена весь этот шум был лишь фоном. Его мир состоял из ароматических молекул.

Он склонился над медной кастрюлей, где томился соус «белое масло» для морского гребешка. Пар коснулся его лица, и в сознании, словно на многослойной голографической карте, мгновенно развернулся полный химический анализ.

Лимонная кислота. Яркая, звонкая. Слишком звонкая. Перебивает нежность лука-шалота, припущенного в шампанском.

Жюльен едва заметно поморщился и, не глядя, протянул руку. Его су-шеф, коренастый молчаливый бретонец по имени Ив, словно читая мысли, вложил ему в ладонь крошечную серебряную ложку. Жюльен зачерпнул каплю соуса, растер ее по нёбу, и его вкусовые рецепторы взорвались фейерверком. Устричная солоноватость сливочного масла, едва уловимая горчинка белого перца, сладковатый шепот кервеля. Но диссонанс оставался. Кислота резала общую картину, как фальшивая нота в скрипичном соло.

— Три капли настоя кафрского лайма, Ив. Не больше. И щепотку цветочной пыльцы фенхеля. Мы не глушим кислоту, мы даем ей партнера для дуэта, — произнес Жюльен. Его голос был тихим, но каждое слово, оброненное в священной тишине кухни, весило как золотой слиток.

Ив кивнул. Никто из поваров не удивился. Все они знали о феноменальном даре своего шефа. Его обоняние и вкус были не просто острыми, они были гипертрофированными, возведенными в степень абсолютного оружия. Там, где обычный человек чувствовал просто «рыбу», Жюльен различал породу, возраст, рацион, из какого садка она прибыла и даже на какой водоросли спала. Это было проклятием и благословением в одном флаконе.

Его жизнь с самого детства была чередой обонятельных и вкусовых пыток. Школьная столовая с ее запахом вареной капусты и алюминиевых бачков казалась ему филиалом ада.

Запах дешевых духов проходящей мимо женщины мог вызвать приступ мигрени. В пятнадцать лет, поступив учеником в бистро в Лионе, он впервые понял, что его проклятие — это дар. Он мог воссоздать любой соус, лишь раз понюхав его. Он чувствовал свежесть рыбы через стенку холодильника. Он знал, что гость за дальним столиком болен гастритом, по запаху его пота, и никогда не предлагал ему блюда с высокой кислотностью.

К двадцати пяти годам он стал самым молодым шеф-поваром, получившим три звезды Мишлен. К тридцати — его имя гремело по всему миру. Но, устав от бешеной гонки, он ушел в тень, открыв «Ле Манускрит» — камерное, на двадцать персон, место, где сам решал, кого кормить, а кому отказать. Здесь он был и шефом, и сомелье, и алхимиком вкуса.

Сегодняшний вечер был особенным. В маленьком, обитом панелями из мореного дуба зале, находилось всего три столика. Один занимала пожилая пара американцев, коллекциониров искусства. За другим сидел известный литературный критик со своей юной, ослепительно красивой, но безвкусно надушенной спутницей. А третий столик, в самом уединенном углу, под плотным кисти забытого фламандского мастера, был накрыт на одну персону.

Гостем был дипломат. Некто месье Дюваль, как было указано в брони. Высокий, сутулый человек лет шестидесяти, с лицом, выдубленным солнцем колониальных стран и глубокими морщинами, говорившими о долгих годах улыбок через силу. На нем был безупречный, но старомодный смокинг, а из нагрудного кармана свисала цепочка карманных часов. Он прибыл ровно в девять, заказал дегустационный сет «Доверие шефу» и вот уже час, сидя с прямой спиной, напоминал восковую фигуру. Он не смотрел по сторонам, не доставал телефон. Он просто ждал. И это Жюльену не нравилось.

Обычно гости, приходящие в «Ле Манускрит», нервничали, предвкушая трапезу. Они переглядывались, трогали столовое серебро, разглядывали интерьер. Этот же был абсолютно спокоен. Слишком спокоен. От него исходил сложный букет запахов. Жюльен улавливал его даже сквозь закрытую дверь кухни. Пыль. Запах старой, дорогой шерсти. Нафталин, которым были переложены костюмы в сундуке. Легкий шлейф трубочного табака «Латакия». И что-то еще, едва уловимое. Кисловато-металлический душок страха. Не паники, нет. Это был застарелый, въевшийся в поры страх человека, привыкшего жить на лезвии ножа.

И сейчас, когда ужин дипломата подходил к кульминации, Жюльен решил лично вынести главное блюдо. Это было правом шефа, ритуалом, который он соблюдал для самых важных или самых загадочных гостей.

Он взял две тарелки из специального подогреваемого шкафа. Ив аккуратно выложил на каждую по два идеально обжаренных гребешка Сен-Жак на подушке из черного риса с каракатицей, украшенных пеной из пармезана и микрозеленью. Жюльен взял соусник, в последний раз вдохнул аромат исправленного «белого масла» — да, теперь это была совершенная, бархатистая симфония, где лимонная нота звучала в унисон с анисовым оттенком фенхельной пыльцы — и тонкой струйкой обвел соусом композицию на тарелках. Сверху он водрузил по тончайшему, почти прозрачному слайсу черного трюфеля.

— Я сам, — коротко бросил он метрдотелю, уже шагнувшему было в сторону зала.

Толкнув тяжелую, обитую кожей дверь, он вошел в зал. Воздух здесь был другим: смесь запахов старого дерева, воска от свечей, сдержанных духов и тлеющих в камине поленьев. Но все это перекрывал мощный, животный аромат трюфеля, который он нес перед собой на тарелках.

Он прошел мимо столика критика. Юная спутница, увидев Жюльена, замерла с открытым ртом. Он был красив той суровой, аскетичной красотой, которая притягивает взгляды. Но он не обратил на нее внимания. Все его чувства были направлены на человека в углу.

Месье Дюваль поднял на него взгляд. Глаза у него были цвета выцветшей лаванды, водянистые и ничего не выражающие. Жюльен поставил тарелку, сделал шаг назад и позволил себе едва заметный кивок.

— Гребешок «Живые камни Бретани». Приятного аппетита, месье.

— Благодарю, — голос дипломата был сухим, как шелест пергамента. — Я слышал, вы не только шеф, но и лучший сомелье Парижа. Я заказал бутылку вина к этому блюду. Будьте любезны, подтвердите мой выбор.

Жюльен скосил глаза на столик, где в ведерке со льдом уже стояла бутылка белого вина, завернутая в салфетку. Он никогда не позволял гостям самим выбирать вино, это была его прерогатива. Но сегодняшний клиент настоял на своем через метрдотеля, и Жюльен, движимый любопытством, согласился.

Он подошел, взял бутылку и развернул салфетку. Это был «Мерсо-Шарм» Премье Крю от Домен Руло. Великое вино. Одно из лучших для морской кухни. Жюльен слегка расслабился. Гость понимал толк. Он достал из кармана свой сомельерский нож, срезал капсулу, ловко вытащил пробку и вдохнул ее. Ожидаемый букет: сливочное масло, лесной орех, дымок, цитрус. Но что-то было не так.

Тончайшая, на грани восприятия, нота. Чужеродная. Она скользнула по рецепторам, ужалила и исчезла. Жюльен нахмурился, налил немного вина в бокал, взболтал и сделал глоток, задержав его во рту. Фруктовая атака, плотное, минеральное тело... и снова, уже на нёбе, тот же укол. Далекий, размытый, но несомненный химический оттенок, напоминающий смесь горького миндаля и ацетона. Брак? Невозможно. Для «Домен Руло» это исключено. Неправильное хранение? Тоже нет, структура вина идеальна. Тогда что?

Он проглотил вино и внимательно посмотрел на старика. Тот смотрел на него с легкой, едва заметной улыбкой. Страха в его запахе больше не было. Его сменило что-то иное. Облегчение? Смирение?

Внезапно Жюльен почувствовал, как в зале сквозняк стал более ощутимым. Нет, не сквозняк. Движение воздуха. Легчайшее колыхание занавеса у окна, которого не было секунду назад. И запах. Запах, который заставил его сердце пропустить удар.

Он пришел со стороны оконной рамы. Запах перчаток. Дорогой, тонко выделанной лайковой кожи. И кое-чего еще. Трава. Свежая, горьковато-пряная, с анисово-мятными тонами и смолистым оттенком сосны. Запах, который он не смог мгновенно идентифицировать. А это случалось с ним крайне редко. Он был как «белое пятно» на его обонятельной карте, что само по себе было сигналом тревоги.

Жюльен резко обернулся. Окно было закрыто. Плотные бархатные шторы висели неподвижно. В зале, кроме метрдотеля, почтительно замершего у входа, и двух пар гостей, никого не было. Но он знал, чувствовал, что здесь только что был кто-то третий.

И в этот момент дипломат, месье Дюваль, закашлялся. Сначала негромко, деликатно прикрывая рот салфеткой. Затем кашель усилился, стал надсадным, лающим. Старик схватился за горло, его глаза расширились. Салфетка упала, и Жюльен увидел на ней ярко-алые пятна.

— Месье! — Жюльен бросился к нему, краем глаза заметив, как вскочили американцы и критик. — Вызовите скорую! — рявкнул он метрдотелю.

Он попытался поддержать дипломата, но тело старика вдруг обмякло, словно из него вытащили позвоночник. Он начал сползать со стула, закатывая глаза. Жюльен удержал его, не давая рухнуть лицом в тарелку с нетронутым гребешком. Запах крови, густой, соленый, смешался с ароматом трюфеля и вина, создавая тошнотворный коктейль. Но среди всего этого хаоса Жюльен, как гончая, взявшая след, продолжал вычленять тот самый, чужеродный запах травы. Он никуда не делся. Напротив, усилился.

Опустив умирающего на пол, Жюльен увидел, что его взгляд застыл, устремленный в пустоту. Зрачки были ненормально сужены, как булавоочные головки. На губах пузырилась розоватая пена с примесью крови. Жюльен склонился ниже, почти касаясь лица старика. Да, запах шел оттуда. Из рта. Тот же самый горький миндаль и ацетон, что он почувствовал в вине, но в сотни раз более концентрированный.

Цианид. Вернее, его производное. Яд, действующий мгновенно. Но как? Вино было чистым, он пробовал его! Жюльен перевел взгляд на тарелку. Гребешок, рис, пена... Он сам готовил это блюдо. Он сам выносил его. Это исключено.

Старик испустил последний, хриплый, булькающий вздох и затих. На несколько секунд в зале воцарилась абсолютная, звенящая тишина. А потом начался хаос. Завизжала спутница критика, загремели стулья, затопали ноги.

Но Жюльен не двигался. Он стоял на коленях перед трупом, и его мозг, воспитанный годами анализа, раскладывал произошедшее на невидимые компоненты, как сложный молекулярный рецепт. Смерть была в вине. Но яд не был в вине. Он появился в нем. Как? Вино налито из только что открытой бутылки. До этого момента он был в стекле. Химическая реакция? Катализатор? Яд, который активизировался при соприкосновении с воздухом, слюной или... желудочным соком?

И снова в его сознании, перебивая даже запах смерти, всплыл тот самый травянистый аромат. Запах перчаток. Запах убийцы. Жюльен медленно, словно во сне, поднялся. Он подошел к тому месту, где ему почудилось движение. К окну. Оно было закрыто на защелку. Он провел пальцами по гладкому дереву рамы, по холодному стеклу. Никаких следов. Но запах... Он был здесь. Едва уловимый, в микронной концентрации, но несомненный.

Он снова втянул воздух, задерживая дыхание, фильтруя его через свою уникальную обонятельную луковицу, способную различить до триллиона оттенков. Трава. Средиземноморская. Горный склон, скудная каменистая почва, обилие солнца. Этот запах не был знаком ни одному из его поставщиков специй. Он не использовался ни в одной известной кухне мира. Это был ингредиент из арсенала кого-то другого. Кого-то, кто знал, что яд — это тоже вкус.

Полиция прибыла через двенадцать минут. «Ле Манускрит» превратился в муравейник. Гостей и персонал изолировали в разных частях здания. Бригада криминалистов в белых комбинезонах, как пришельцы, заплонила священное пространство кухни и зала.

Комиссар, возглавлявший расследование, оказался грузным мужчиной с усталым лицом бульдога и фамилией Ларше. Его серый плащ был помят, а галстук съехал набок, выдавая человека, которого подняли из постели. Он долго и без всякого аппетита смотрел на труп, на изысканное блюдо, на бутылку вина, и наконец, обратил свой тяжелый взгляд на Жюльена.

— Месье Кросс, — произнес он, не вынимая изо рта потухшую сигару, которую он жевал, а не курил. — Я наслышан о вашем... уникальном заведении. Садитесь и расскажите мне все, шаг за шагом. Вы единственный, кто прикасался и к вину, и к еде. Вы и труп.

Жюльен стоял, прислонившись к дубовой колонне. Он был бледен, но абсолютно спокоен. Внутри него бурлила не паника, а холодная, аналитическая ярость. Убили его гостя. В его храме. Превратили его искусство в оружие убийства.

— Я не убивал его, комиссар, — голос Жюльена звучал ровно. — Более того, я рисковал собственной жизнью, попробовав вино. Яда в бутылке не было, когда я ее открыл. Он появился потом.

Комиссар Ларше хмыкнул.

— Это как же? Волшебство? Алхимия? Яд материализовался из воздуха?

— Именно, — Жюльен посмотрел ему прямо в глаза. — Из воздуха. Это была двухкомпонентная система. Человек, убивший месье Дюваля, пришел сюда не для того, чтобы отравить вино. Он уже знал, что в организме жертвы есть прекурсор — вещество-предшественник. Возможно, лекарство, которое тот принимал постоянно, или что-то, добавленное в пищу заранее. А компонент-активатор был доставлен в легкие жертвы через воздух. Через легчайший аэрозоль. Поэтому я и не умер. Мой организм не был отравлен прекурсором.

Комиссар вытащил сигару изо рта и уставился на Жюльена как на сумасшедшего.

— Вы писателем не подрабатываете, месье Кросс? Аэрозоли, прекурсоры... Это же бред. Зачем такие сложности? Почему просто не пристрелить вашего дипломата в подворотне?

— Затем, что убийца — профессионал экстра-класса. Он хотел, чтобы это выглядело как несчастный случай. Как банальное отравление. Или как моя ошибка. Он не оставляет следов. Единственное, что я уловил, — это запах его перчаток, — Жюльен замолчал, подбирая слова. — И запах редкой травы, которую он использовал, возможно, как один из компонентов для своего аэрозоля.

Ларше тяжело вздохнул. Он видел перед собой не паникера, а человека с железными нервами и логикой, пусть и звучащей фантастично. Слава о «нюхаче»-поваре долетела и до префектуры.

— Запах травы, говорите... — проворчал он. — И что же это за трава? Мята? Базилик?

— Я не знаю, — признался Жюльен, и это признание далось ему с трудом. — Но я запомнил его. Намертво. Его молекулярная структура, если хотите. Если я когда-нибудь снова встречу этот запах, я его узнаю.

Комиссар устало потер переносицу.

— Ладно. Допустим, вы гений, а не отравитель. Но пока все улики против вас, месье Кросс. Вы последний, кто имел дело с вином. Ваши отпечатки на бутылке и на бокале. Мотив? Может, ваш дипломат оказался не тем, за кого себя выдавал? Может, это был шантаж или старые счеты? Мы проверим и вас, и ваше прошлое. А пока я вынужден попросить вас не покидать город. И, конечно, «Ле Манускрит» закрывается до окончания расследования.

Жюльен воспринял это как приговор. Храм вкуса, его убежище от мира, превратился в место преступления. Но приказ комиссара не покидать город он игнорировал еще до того, как услышал его. Внутренний зуд, жажда найти обладателя того самого запаха, уже завладела им. Это была охота. Охотничий азарт гончей, взявшей след.

Домой на остров Сен-Луи он вернулся лишь под утро. Сырой, промозглый рассвет сочился сквозь высокие окна его квартиры, обставленной с минимализмом японской чайной комнаты. Ничего лишнего. Только стены, выкрашенные в серый цвет, полки с книгами по ботанике и гастрономической химии, да стереосистема, через которую он слушал органные фуги Баха.

Но покоя не было. Он скинул пропахший смертью китель и, оставшись в одних брюках, подошел к своему рабочему столу. Это был не обычный стол. Скорее, алтарь алхимика. Сотни стеклянных флаконов с притертыми пробками, в которых хранились эфирные масла, абсолюты, настойки и редчайшие специи со всего мира. Его личная картотека запахов.

Он начал работать. Капля лаванды. Слишком проста. Эвкалипт — мимо. Розмарин, шалфей, чабер, тимьян — все знакомо, все сотни раз использовано. Он смешивал, нагревал, нюхал. Но тот травянистый аромат был неуловим, он ускользал, как забытый сон. Это сводило с ума.

Жюльен остановился и заставил себя успокоиться. Он закрыл глаза и в мельчайших деталях воспроизвел в памяти сцену в ресторане. Вот он стоит с бутылкой. Движение воздуха. Запах лайки. Трава. Что это было? Разложим по нотам. Верхние тона: яркий, камфорный, освежающий, похожий на эвкалипт, но слаще. Средние: теплый, бальзамический, с оттенком смолы и мускатного ореха. Базовые: горько-зеленые, травянистые, с животным, почти амбровым шлейфом.

Это не просто трава. Это что-то особенное. Что-то, что растет в очень специфическом месте. В памяти всплыли лекции старого ботаника из Сорбонны, у которого он консультировался по поводу съедобных цветов. «Средиземноморье, Жюльен. Это сокровищница ботанических уникалов. Там, где каменистая почва и палящее солнце, растения выделяют мощнейшие эфирные масла, чтобы защититься от обезвоживания. Это концентрат силы».

Он метнулся к книжному шкафу. «Флора Крита», «Эндемики Балеарских островов», «Лекарственные растения Сардинии». Он листал страницы, вдыхая запах старой бумаги и типографской краски, вглядываясь в ботанические иллюстрации. Десятки, сотни трав. Но ни одна не соответствовала. Он чувствовал, что ходит где-то рядом, но не может ухватить.

Он взял телефон и набрал номер своего давнего друга и наставника, Марселя Дюбуа, профессора биохимии, который когда-то помог ему классифицировать его обонятельные галлюцинации. После трех гудков в трубке раздался заспанный, недовольный голос.

— Жюльен, ты знаешь, который час? Мои старые кости требуют покоя.

— Марсель, мне нужна твоя помощь. Это вопрос жизни и смерти, — голос Жюльена был напряжен. — Мне нужно идентифицировать растение. Эндемик Средиземноморья. Маслянистое, сложный эфирный профиль: камфора, смола, мускат, амбра. Растет на камнях. Крайне редкое. И, возможно, обладающее токсическими свойствами.

В трубке повисла пауза. Слышно было, как профессор шумно вздохнул.

— Жюльен, по твоему описанию подходит с десятков видов. Нужно больше данных. Какой оттенок зелени в базовой ноте? Сухой сенной или сочный, как у сломанного стебля? Есть ли металлический привкус на нёбе? Ты же нюхач, дай мне подробности!

Жюльен снова напряг память.

— Не сенной. Именно сочный, но не водянистый. Плотный, как гелихризум. Металла нет. Есть что-то еще... далекое, на грани восприятия. Запах дыма. Но не древесного. Торфяного, что ли. Или запах земли после лесного пожара.

— Ага! — голос профессора оживился. — Это меняет дело. Растение-пиропит. Такие виды размножаются или активизируются после пожаров. Их семена могут лежать в почве десятилетиями, ожидая огня. Ищи виды с приставкой «огненный» или «дымный». Посмотри род «Диктамнус», но он не эндемик... Поищи в районе вулканических почв. Сицилия, Искья, Липарские острова. Там есть уникальная экосистема.

Сицилия. Вулканические почвы. Это была зацепка. Поблагодарив профессора, Жюльен повесил трубку. Он чувствовал, что находится на пороге открытия. Травы с Сицилии, настолько редкая, что ее нет в обычных каталогах.

Он оделся и вышел из дома. Единственное место в Париже, которое не спит даже на рассвете, — это Рюнгис, крупнейший в мире оптовый рынок свежих продуктов. Но Жюльену был нужен не основной павильон, а то, что скрывалось в его тени, — Черный рынок специй.

Это было неофициальное, но широко известное в узких кругах место. Он находился в старом пакгаузе на задворках рынка, куда допускались только избранные. Там торговцы-арабы, индийцы и африканцы продавали то, что не проходило официальную сертификацию: гашишное масло, выдаваемое за эфирное масло пачули, листья коки, якобы для чая, корень мандрагоры и прочую контрабанду, балансирующую на грани закона и магии.

Жюльен знал туда дорогу. В бытность свою молодым поваром он искал там редкие африканские перцы. Сейчас же он шел туда, потому что понимал: если какая-то редкая трава и могла быть нелегально ввезена во Францию и использована для создания яда, то ее следы нужно искать там. Убийца, как и повар, ищет лучшие ингредиенты в одних и тех же местах.

Вход в пакгауз выглядел как обычная дверь в бетонной стене, без вывесок. Он толкнул ее и сразу окунулся в какофонию запахов, способную сбить с ног обычного человека. Для Жюльена это была информационная бомба. Шафран из Кашмира — подделка, куркума. Пачули из Индонезии — с примесью дегтя. Корица — цейлонская, редкая, настоящая. И еще сотни, тысячи обонятельных сигналов. Он отфильтровывал их, как белый шум, продвигаясь вглубь.

Торговцы, узнававшие его, кивали, некоторые пытались что-то предложить, но он молча проходил мимо. Он искал человека по имени Хаким. Старый мавр с лицом, изрезанным морщинами, как сухая земля, был королем этого черного рынка. Он торговал не только специями, но и информацией. Он подошел к его прилавку, заваленному мешками с сушеными розами, кореньями и бутылками с маслом.

— Маэстро Кросс, — проскрипел Хаким, не поднимая глаз, но безошибочно угадав гостя по запаху. — Вы сегодня ранний. И тревожный. Я чую запах беды от вас. Запах пороха, хотя вы его не нюхали.

— Хаким, мне нужно растение, — Жюльен не стал тратить время на любезности. — Средиземноморский эндемик. Пиропит. Растет на вулканических почвах. Запах: камфора, смола, мускат, торфяной дым и амбра. Маслянистое. Возможно, токсичное. Ты знаешь все, что ввозят и вывозят. Говори.

Старый мавр наконец поднял глаза. В них блеснул недобрый огонек.

— Вы описываете то, о чем предпочитают молчать, маэстро. Это не специя. Это проклятие.

— Название, Хаким.

Торговец помолчал, пожевал губами, а затем наклонился и достал из-под прилавка маленькую серебряную коробочку. Он открыл ее. Внутри, на черном бархате, лежали три крошечных серо-зеленых листочка. Словно жалкие остатки сена. Но когда Жюльен склонился, его ударило в ноздри.

Да! Это был он. Тот самый аромат. Только здесь, в концентрированном виде, он был невероятно мощным, почти галлюциногенным. Легкая эйфория от камфоры, тепло от смолы, глубина мускуса и тревожный, подземный гул торфяного дыма. Это была не просто трава. Это был дух самой Этны.

— «Эрба дель Вендетта», — тихо произнес Хаким. — Трава Возмездия. Растет только на склонах вулкана Этна, на пепелищах, оставленных лавовыми потоками. Она появляется раз в несколько лет после сильных извержений. Мои люди на Сицилии собирают ее крохи. Я продал всего одну партию за десять лет.

— Кому? — голос Жюльена стал похож на лязг стали.

Хаким покачал головой.

— Вы же знаете правила, маэстро. Мои клиенты хотят оставаться в тени. Это был человек, который говорил по-французски без акцента, но слишком правильно, как на дипломатических приемах. Сказал, что он парфюмер-авангардист.

— Когда? Когда он ее купил?

— Три дня назад, — Хаким захлопнул коробочку. — И заплатил очень, очень много. Но, маэстро, я чую, что эта трава для вас — дорога к смерти. Забудьте о ней. Возвращайтесь на свою кухню.

— Мою кухню опечатала полиция, — Жюльен выпрямился. — А гость, сидевший в моем зале, мертв. Отравлен. Я найду этого «парфюмера», Хаким. И узнаю, чем он дышит.

Выйдя из пакгауза, Жюльен вдохнул прохладный, уже начавший прогреваться утренний воздух. Запах рынка, бензина, речной сырости. Но поверх всего этого в его сознании, как выжженное тавро, пульсировал запах Травы Возмездия. У него была ниточка. Тонкая, как паутина, но прочная. Покупатель, говорящий как дипломат. Убийца-призрак, оставляющий за собой запах вулканической травы.

Охота началась. И, сам того еще не зная, Жюльен Кросс больше не был охотником. Потому что в тот самый момент, когда он попробовал вино с активированным ядом и выжил, он стал свидетелем, которого не должно было быть. Убийца уже знал о его феноменальном даре. И теперь в тишине конспиративной квартиры, пропахшей той самой травой, киллер, методично чистивший свои инструменты, на секунду замер. Его губы тронула ледяная улыбка.

«А повар-то оказался крепким орешком. Что ж, это даже интереснее. Охота на гурмана, который чует меня за версту. Это будет самый изысканный рецепт в моей коллекции».

Он взял с полки маленький флакон из темного стекла с этикеткой, на которой от руки было выведено одно слово: «Кросс». И аккуратно поставил его к другим флаконам, выстроенным в ряд, как шахматные фигуры в начале гениальной, смертоносной партии.

Глава 2. Вкус пепла на губах

Солнце поднималось над Парижем, окрашивая цинковые крыши в розовато-серый цвет, но Жюльен Кросс этого не замечал. Он стоял, прислонившись к холодной бетонной стене пакагауза, и смотрел на свои руки. Руки, которые еще вчера вечером создавали совершенство на тарелке, сейчас едва заметно дрожали. Не от страха. От ярости.

Трава Возмездия. "Эрба дель Вендетта". Теперь у запаха было имя, и это имя звучало как приговор. Где-то в этом городе, а может, уже и нет, находится человек, который превратил его ресторан в место казни. Человек, чей запах вьелся в обонятельную память Жюльена, как кислота въедается в металл. Лайковая кожа перчаток. Тонкий, почти невидимый шлейф дорогого сандалового дерева. И, конечно же, она — Трава, растущая на пепле.

Он оттолкнулся от стены и быстрым шагом направился к своей машине, старому черному "Пежо" 504-й модели, припаркованному на гравийной площадке у служебного въезда. Этот автомобиль он выбрал не из ностальгии, а из практичности. Он не привлекал внимания, был прост в обслуживании и обладал вместительным багажником, в котором сейчас лежал его "полевой набор" — алюминиевый кейс, укомплектованный пробирками, активированным углем, маленькой газовой горелкой и полудюжиной флаконов с реагентами для простейших химических анализов. Жюльен редко покидал кухню, но когда это случалось, он делал это основательно. Шеф-повар всегда должен быть готов к импровизации, даже если поле битвы — не кухонный стол, а улицы, полные опасностей.

Прежде чем сесть за руль, он еще раз достал из кармана крошечный, величиной с пуговицу, пластиковый пакетик. В нем лежали те самые три жалких листочка, которые он купил у Хакима за сумму, равную месячной выручке "Ле Манускрипт". Старый мавр не хотел их продавать, бормотал что-то о карме и возмездии, но звон монет перевесил суеверия. Теперь это был единственный материальный след убийцы.

Жюльен осторожно, словно имея дело с радиоактивным материалом, вскрыл пакетик и поднес к носу. Мощный, галлюциногенный аромат ударил в рецепторы. Теперь, зная название, он мог разложить его на составляющие с хирургической точностью. Камфора — почти как в розмарине, но более острая, с металлическим оттенком. Сосновая смола — да, именно она давала тот теплый, бальзамический тон. Muskatный орех — вот откуда эта теплая, ореховая пряность. И... что-то еще. Что-то, что Хаким не упомянул. Жюльен сделал еще один, очень глубокий вдох и задержал дыхание, позволяя летучим молекулам осесть на его обонятельном эпителии. Животный мускус? Нет, грубее. Запах кожи. Но не выделанной, как на перчатках убийцы. Сыромятной. Козлиной. С примесью дегтярного мыла и... овечьего молока?

Так пахнут не парфюмеры. Так пахнут пастухи. Крестьяне, живущие в глухих горных деревушках, где до сих пор доят овец в деревянные ведра и варят сыр на костре из колючего кустарника. Этот запах не был частью растения. Это был запах того, кто собирал листья. Запах, впитавшийся в высушенную траву, как в губку.

Сицилия. Этна. Глухая деревня. Вот куда вел след. Не в модные парфюмерные салоны Милана, не в подпольные лаборатории Марселя. А на склоны самого высокого действующего вулкана Европы.

Жюльен завел двигатель. Ему нужно было домой, собрать вещи. Паспорт, наличные деньги, которые он хранил в сейфе на случай непредвиденных обстоятельств. И оружие.

Оружие.

Это слово казалось чужеродным в контексте его жизни. Поварские ножи? Да, это его продолжение рук. Он мог разделать тушу ягненка быстрее, чем мясник с тридцатилетним стажем. Но оружие для убийства? Нет, он никогда не держал в руках пистолета, если не считать одного случая, о котором он предпочитал не вспоминать. Десять лет назад, во время стажировки

ровки в Киото, старый мастер-суши, у которого он учился, подарил ему необычный набор. Это была коллекция "рёба" — традиционных японских инструментов, которые использовались не только для приготовления рыбы, но и, в эпоху воюющих провинций, для самозащиты поваров императорского дворца. Среди них был "кайкен" — короткий, обоюдоострый клинок без гарды, напоминающий стилет, спрятанный в лакированных ножнах, искусно замаскированных под скалку для теста. Старик тогда сказал: "Повар, который не может защитить свою кухню, недостоин в ней стоять".

Жюльен тогда посмеялся, но подарок принял. Теперь "кайкен" лежал в специальном кофре, вместе с его личным набором ножей, и ждал своего часа.

Добравшись до своей квартиры на острове Сен-Луи, он действовал быстро, как на кухне в час пик. В черную спортивную сумку полетели джинсы, свитера, футболки. Никаких костюмов, никакой роскоши. Он собирался не на гастрономический конгресс, а в горы, где нужно быть незаметным. Отдельно, в водонепроницаемый чехол, он упаковал свой "нюхаческий набор": портативный газовый хроматограф, который он купил три года назад на аукционе лабораторного оборудования и модифицировал под свои нужды, десяток пустых флаконов для сбора образцов, пинцеты, лупу с двадцатикратным увеличением и блокнот для записей. В этот блокнот, страницы которого уже были испещрены формулами и диаграммами запахов, он вложил засушенный листочек Травы Возмездия.

Последним в сумку лег кофр с ножами. Он расстегнул молнию и проверил содержимое. Десять клинков: от тяжелого тесака для разделки мяса до тонкого, как игла, ножа для удаления костей из оливок. И среди них — неброский черный футляр. Он открыл его. "Кайкен" тускло блеснул в утреннем свете. Обоюдоострое лезвие, длиной в пять дюймов, было изготовлено из многослойной стали дамасского типа и отполировано до зеркального блеска. Рукоять, обмотанная черным шелковым шнуром, идеально легла в ладонь. Жюльен сделал короткий, резкий выпад. Клинок со свистом рассек воздух и замер в миллиметре от дверного косяка. Рука не дрожала. Мышечная память, отточенная годами работы с ножом, никуда не делась.

Он убрал "кайкен" в сумку, но не на дно, а в боковой карман, откуда его можно было достать одним движением. Предчувствие опасности, обостренное до предела, шептало ему, что это оружие понадобится раньше, чем он думает.

Внизу, в тишине внутреннего двора, его уже ждал старый "Пежо". Но когда Жюльен подошел к машине и взялся за ручку дверцы, он замер. Его ноздри дернулись. Запах. Чужой запах, едва уловимый, но чужеродный, как фальшивая нота в идеальном аккорде. Кто-то открывал дверцу. Совсем недавно. Он не прикасался к машине со вчерашнего дня, и запах собственной кожи на руле уже выветрился. Сейчас же он уловил новый аромат. Синтетическая отдушка моющего средства, которой пользуются в бюджетных автомойках. И под ней — запах человека. Кислый, немного горьковатый пот. Табак без фильтра, дешевый, типа "Житан". И... металл. Характерный запах оружейной смазки и пороховых газов, вьедшийся в одежду того, кто часто носит с собой пистолет.

Жюльен не стал паниковать. Он медленно, делая вид, что поправляет сумку на плече, отошел от машины, прошел мимо и завернул за угол. Прислонившись к стене, он закрыл глаза и сосредоточился. Что еще он мог уловить? Да, точно. Легчайший шлейф мятной жвачки. И еще — отчетливый запах дешевой китайской кожи, из которой была сделана куртка. Это не убийца-призрак. Тот пахнет лайкой, сандалом и Травой Возмездия. Это кто-то другой. Полиция? Нет, у полицейских другой запах — формальдегид из участков, специфический кофе из автоматов, резина от перчаток. Частный детектив? Скорее, наемник. "Шестерка", как говорили в старых детективных романах.

Кто-то следит за ним. Кто-то, кому известно, что он был свидетелем. И этот кто-то не хочет, чтобы он добрался до Сицилии.

Жюльен принял решение за долю секунды. Он не будет уходить от слежки. Он пойдет ей навстречу. Он вернулся к машине, на этот раз громко, стуча каблуками по брусчатке, открыл багажник, демонстративно покопался в нем, уложил сумку, захлопнул крышку. Затем сел за руль, завел двигатель и медленно выехал со двора.

В зеркало заднего вида он заметил серый "Ситроен", припаркованный через дорогу. Он был пустым? Нет, водитель сидел на месте. Жюльен не мог разглядеть лица, но был уверен — это тот самый человек.

Он повел машину не в сторону вокзала и не к аэропорту, а на юг, к окраинам. Он знал одно место, идеально подходящее для встречи с незванным наблюдателем. Заброшенная скотобойня в квартале Ла Виллет, которую закрыли десять лет назад и до сих пор не снесли. В бытность свою молодым шефом Жюльен приезжал туда, чтобы лично выбирать туши для своего первого ресторана. Теперь это место пахло ржавчиной, крысами и разложением — идеальный фон для неприятного разговора.

Он въехал в распахнутые ржавые ворота и остановился посреди пустого, залитого бетоном двора. Вышел из машины, хлопнул дверцей и, не оборачиваясь, направился к входу в главный цех. Внутри, под сводами из грязного стекла и ржавых ферм, стоял затхлый холод. Обломки разделочных столов, крючья для туш, свисающие с потолка, как виселицы, ржавые желоба для стока крови — все это создавало ощущение склепа.

Жюльен встал так, чтобы свет из разбитого окна падал ему в спину, а его лицо оставалось в тени. Рука скользнула в боковой карман куртки, где покоился "кайкен". Ждать пришлось недолго.

Минуты через три снаружи послышался звук подъезжающего автомобиля. Двигатель стих. Хлопнула дверца. Шаги, осторожные, но тяжелые, зашуршали по гравию. В проеме двери возник силуэт. Коренастый мужчина в дешевой кожаной куртке, с лицом, словно вырубленным из обветренного кирпича, и коротким ершиком седых волос. В правой руке он держал пистолет с глушителем.

— Месье Кросс, — произнес он хриплым, прокуренным голосом. — Вы совершили ошибку, заехав сюда. В городе было бы сложнее. А здесь... никто не услышит.

— Я знаю, — спокойно ответил Жюльен. — На это я и рассчитывал.

Он сделал шаг вперед, выходя из тени. Его лицо было абсолютно бесстрастно. Глаза, цвета грозового неба, смотрели прямо на наемника.

— Кто тебя послал? — спросил он. Голос прозвучал ровно, буднично, словно он спрашивал официанта о смене блюд.

— Тебя это не касается, — усмехнулся мужчина. — Мне сказали, что ты повар. Нюхач. Ну, нюхай. Чувствуешь запах своей смерти? Это запах пороха.

Жюльен действительно чувствовал. Он чувствовал все. Пот на ладонях наемника, специфический запах адреналина, страх, который тот пытался скрыть за бравадой. Запах смазки на пистолете, запах дешевого виски, выпитого для храбрости полчаса назад. И еще — запах сигарет. Тех самых "Житан", которые он учуял на ручке двери. И еще один, самый важный. Запах бумажника в нагрудном кармане куртки. Запах денег. Крупных купюр, полученных недавно.

— Я чувствую, что тебе заплатили, — сказал Жюльен. — Пятьдесят тысяч. Наличными. Ты получил их сегодня утром в конверте из плотной крафтовой бумаги. Человек, который тебе их дал, был в перчатках из тонкой лайки и пах сандалом. Он сказал тебе, что это простая работа. Убрать повара. Никакого риска.

Наемник на секунду опешил. Его блеф был раскрыт с той же легкостью, с какой Жюльен определял подделку шафрана. Но опешил он лишь на мгновение. Профессионализм взял верх. Он вскинул пистолет.

— Хватит болтать.

Но Жюльен ждал именно этого. Мышцы его ног, напряженные как пружины, распрямились. Он метнулся не от наемника, а в сторону, за одну из бетонных колонн, поддерживающих крышу. Пуля с глухим "чпок" ударила в стену за его спиной, выбив облако цементной пыли. Жюльен не стал прятаться. Он использовал момент замешательства, когда стрелок переносил прицел, чтобы снова сократить дистанцию.

Повар, работающий с мясом, знает анатомию лучше иного хирурга. Он знает, где проходят артерии, где находятся нервные узлы, какой удар может парализовать, а какой — убить. Жюльен выбросил вперед левую руку, целясь не в лицо, а в запястье правой руки наемника, державшей пистолет. Ребро его ладони, твердое, как деревянная лопатка для ризотто, врезалось точно в точку между лучевой и локтевой костью. Рука стрелка онемела, пальцы разжались, и пистолет, описав короткую дугу, упал на грязный бетонный пол.

Одновременно с этим Жюльен сделал подсечку под колено противника. Это был классический кулинарный прием: когда нужно быстро сбить температуру кипящего бульона, кастрюлю снимают с огня и ставят на холодную поверхность. Он просто "снял" наемника с точки опоры. Тот рухнул на колени, взревев от боли и неожиданности, но не сдался. В его левой руке блеснул нож — обычный "опинель" с деревянной рукояткой. Он попытался ударить Жюльена в пах снизу вверх.

Но Жюльен был быстрее. В его правой руке уже был "кайкен". Короткий, молниеносный взмах — и лезвие, острое как бритва, полоснуло по тыльной стороне ладони наемника, перерезая сухожилия указательного и среднего пальцев. Нож выпал, зазвенев по бетону. Кровь брызнула на ржавый желоб для стока.

Наемник закричал уже не от злости, а от боли. Жюльен рывком поднял его за воротник куртки и прижал спиной к стене, уперев лезвие "кайкена" в яремную впадину.

— Я задам вопрос еще раз, — прошептал он, и в его голосе не было и тени поварского радушия. Только лед. Только холодная, концентрированная ярость. — Кто тебя послал? Имя. Описание. Где найти?

— Я не знаю! — прохрипел наемник, морщась от боли. — Мужик какой-то. Высокий. В плаще. Дал бабки, дал твой адрес. Сказал, что ты слишком много нюхаешь. Все.

— Где ты с ним встречался?

— В баре. "У старого Луи", в Бельвиле. Сегодня, в шесть утра. Он сам меня нашел. Я таких не спрашиваю имена, ты что, порядков не знаешь?!

Жюльен знал. Он понимал, что этот человек — всего лишь инструмент, тупой и одноразовый. Но информация о баре была ниточкой. Тонкой, но ниточкой.

— Бумажник, — сказал он.

— Что? — не понял наемник.

— Деньги, которые тебе заплатили. Дай сюда.

Наемник здоровой рукой полез в карман куртки и вытащил толстый конверт из плотной крафтовой бумаги. Жюльен взял его кончиками пальцев, стараясь не касаться пятен крови на одежде наемника. Он поднес конверт к лицу и вдохнул.

Санда. Лайка. И едва заметный, почти стертый, но все еще различимый отголосок Травы Возмездия. Тот же человек. Тот самый. Убийца-призрак.

Он убрал конверт в карман. Деньги его не интересовали, но этот предмет, хранящий запах врага, был ценнее любого сокровища.

— Скажи своему хозяину, — тихо произнес Жюльен, убирая "кайкен" от горла наемника, — что я нашел его след. И что в следующий раз, когда он захочет меня убить, пусть приходит сам. Я приготовлю для него особое блюдо.

Он отпустил воротник куртки, и наемник мешком осел на пол, прижимая к груди окровавленную руку. Жюльен развернулся и пошел к выходу, не оборачиваясь. Каблуки его боти-

нок четко стучали по бетону, отсчитывая ритм его новой, опасной жизни. В машине, прежде чем повернуть ключ зажигания, он еще раз поднес конверт к носу.

Да, сомнений не оставалось. Он возьмет этот след. Он развернет его, как сложный рецепт, шаг за шагом, ингредиент за ингредиентом. Его охота приведет его на Сицилию, но прежде чем покинуть Париж, ему нужно было заехать в одно место. В бар "У старого Луи", в Бельвиле.

Бельвиль — это не Париж туристических открыток. Это Вавилон, где смешались языки, запахи и судьбы десятков народов. Узкие улочки, круто взбирающиеся на холм, пестрят вывесками на арабском, китайском, турецком. Из открытых окон льются звуки музыки, крики торговцев и аппетитные ароматы специй, жареного мяса, сладкой выпечки. Здесь можно найти все: от контрабандных сигарет до поддельных паспортов, от наркотиков до редких африканских корней. Этот квартал был рассадником преступности, но именно здесь, в этом хаосе, Жюльен чувствовал себя странным образом уютно. Его обостренное обоняние, которое в фешенебельных кварталах страдало от шквала парфюмерии и выхлопных газов, здесь, в Бельвиле, работало как тонко настроенный прибор, отделяя зерна от плевел, опасность от фона.

Он оставил машину на рю де Бельвиль и дальше пошел пешком. "У старого Луи" оказался заведением, которое снаружи выглядело как обычная забегаловка, но внутреннее чутье Жюльена подсказывало — это место с историей. Запах, доносившийся из приоткрытой двери, был густым и многослойным. Дешевый табак, пролитое пиво, металлический запах монет из кассы. Но под этим всем — тяжелый, темный аромат страха, насилия, пропитавший деревянные панели стен за десятилетия.

Он вошел внутрь. В баре было сумрачно и почти пусто. За стойкой пожилой бармен с лицом, похожим на печеное яблоко, неторопливо протирал стаканы. Два посетителя угрюмо сидели за дальним столиком, играя в карты. При появлении Жюльена они подняли головы, оценили его с головы до ног и, видимо, не найдя ничего интересного, вернулись к игре.

Жюльен подошел к стойке.

— Двойной эспрессо, — заказал он, кладя на стойку банкноту. — И информацию.

Бармен хмыкнул.

— Информация стоит дороже, чем кофе, друг мой. И часто приводит к несварению желудка.

— У меня крепкий желудок, — Жюльен выложил на стойку еще пару купюр. — Сегодня утром, около шести, у вас встречались двое. Один — местный, с повадками вышибалы. Второй — чужак. Высокий, в плаще, в лайковых перчатках. Пахнет сандалом и редкой травой.

Бармен перестал протирать стакан и уставился на Жюльена выпцветшими глазами, в которых мелькнула искра интереса.

— А ты, парень, не прост, — медленно произнес он. — Ты — тот самый повар-нюхач, о котором судачат на Центральном рынке. Говорят, ты можешь учуять ложь за версту. Что ж, проверь меня. Я скажу тебе правду. Тот, кого ты ищешь, был здесь. Пил "Шартрез", зеленый, не желтый. И он не назвал своего имени. Но я знаю таких людей. Это профессионалы экстра-класса. Призраки. Они приходят и уходят, не оставляя следов. Единственное, что я могу тебе сказать — он говорил по-итальянски с местным вышибалой. Не по-французски. По-итальянски, но не так, как говорят в Риме или Милане. С более резким, гортанным акцентом. Как говорят на Сицилии.

Это была важная деталь. Очень важная.

— О чем они говорили?

— Я не подслушиваю разговоры клиентов, — бармен снова принялся протирать стакан. — Но пару слов я уловил. "Катания". И "Дон Тициано". Это все, что я знаю. А теперь допивай свой кофе и уходи. Ты приносишь неприятности, а у меня их и так хватает.

Жюльен кивнул. Он получил больше, чем рассчитывал. Катания — второй по величине город Сицилии, расположенный у подножия Этны. Дон Тициано — имя, звучащее как приговор в устах бармена из Бельвиля. Кто это? Местный мафиози? Поставщик редких ингредиентов? А может, тот, кто знает, где собирают Траву Возмездия.

Он одним глотком допил обжигающий, горький эспрессо и вышел на улицу. Теперь его путь был ясен. Сицилия. Катания. Нужно было торопиться. Самолет быстрее, но в самолете его могли вычислить. Поезд надежнее, но медленнее. Он выбрал компромисс: скоростной поезд до Ниццы, а оттуда — паромом до Палермо. Это займет сутки, но зато он сможет контролировать ситуацию, постоянно меняя направление, запутывая следы.

Через два часа он уже сидел в кресле вагона первого класса, глядя на проплывающие за окном предместья Парижа. Постепенно городские пейзажи сменились полями и виноградниками, залитыми полуденным солнцем. Жюльен достал блокнот и начал записывать все, что он знал о своем враге. Это был его новый рецепт. Рецепт охоты.

"Ингредиент первый: Запах. Травы Возмездия, сандал, лайка. Происхождение — Сицилия, склоны Этны. Ингредиент второй: Метод. Двухкомпонентные яды, активируемые через воздух. Профессионализм фармаколога и химика. Ингредиент третий: Личность. Говорит по-итальянски, по-французски, вероятно, владеет другими языками. Высокий. Носит плащ и перчатки. Связан с неким Доном Тициано. Ингредиент четвертый: Мотив. Убитый дипломат. Кто он был на самом деле? Кому перешел дорогу? Это нужно выяснить".

Он закрыл блокнот и откинулся на спинку кресла. Усталость последних суток навалилась на него. Он не спал больше тридцати часов. Его мозг, перегруженный запахами и анализом, требовал перезагрузки. Жюльен закрыл глаза и позволил себе провалиться в беспокойный, поверхностный сон.

Ему приснилась кухня. Его кухня. "Ле Манускрит". Она была пуста и залита ярким, безжизненным светом. На разделочном столе, на белой мраморной доске, лежала не рыба, не мясо. Человеческое тело. Лицо дипломата Дюваля, искаженное предсмертной мукой. Его рот был открыт, и оттуда выползал черный, маслянистый дым, пахнувший Травой Возмездия. А из тени, из угла кухни, на Жюльена смотрели глаза. Безжалостные, холодные, с вертикальными зрачками, как у рептилии. И голос, шипящий, словно пар из сломанного клапана, произнес: "Ты чувствуешь меня, повар? А я чувствую тебя. Твой страх пахнет мускатным орехом".

Жюльен резко проснулся. Поезд замедлял ход. За окном проплывали белые виллы и голубые, искрящиеся воды Средиземного моря. Ницца. Он протер глаза и потянулся. Мышцы затекли, но голова была ясной. Сон был предупреждением. Нельзя недооценивать врага. Он не просто убийца. Он — мастер маскировки, использующий запахи так же виртуозно, как сам Жюльен использует специи.

В Ницце он быстро пересел на местный поезд до Марселя, где находился крупнейший пассажирский порт. На вокзале Сен-Шарль он смешался с разношерстной толпой туристов, моряков, эмигрантов. Здесь, в этом людском море, его следы терялись. Он купил билет на ночной паром до Палермо в кассе, где не требовали паспортных данных, заплатив наличными.

Паром назывался "Тринакрия", в честь древнегреческого названия Сицилии. Он был старым, выдавшим виды судном, перевозившим не только пассажиров, но и грузовые автомобили, контейнеры и даже, как с удивлением заметил Жюльен, небольшое стадо овец в деревянных клетках на кормовой палубе. Запах стоял соответствующий: смесь солянки, морской соли, овечьей шерсти и машинного масла. Обычного человека это утомило бы, но Жюльен чувствовал себя в своей стихии. Запахи рассказывали ему истории. Вот этот парень с гитарой — испанец, он курит гашиш, смешанный с гвоздикой. А вот эта женщина в черном платке — сицилийка, она везет домой тело своего мужа, цинковый гроб в трюме пахнет формалином и горем. А вон там, у борта, стоит человек, который не пахнет ничем. Совсем ничем. Это было невозможно. От всего живого исходит запах. Если только...

Жюльен насторожился. Он спрятался за трубой вентиляции и стал наблюдать. Человек был в легкой ветровке и бейсболке, надвинутой на глаза. Он стоял неподвижно, глядя на море. Жюльен напряг зрение. Открытые участки кожи — лицо, шея, кисти рук — были неестественного, ровного телесного цвета. Словно пластик. Или грим. Или это вообще не кожа. И тут он понял. Этот человек был в специальном комбинезоне из материала, блокирующего запах. В таких работают криминалисты и... некоторые специалисты по тайным операциям.

За ним послали второго? Уже здесь? Это было невозможно. Жюльен был уверен, что оторвался от хвоста. Значит, его вычислили еще на вокзале в Париже. Или в поезде. За ним следили, оставаясь невидимыми. Рывок ярости и унижения захлестнул его. Он, нюхач, не учуял слежку! Потому что за ним следили профессионалы, использующие химию.

Надо было действовать. Паром плыл по нейтральным водам, и в случае его исчезновения никто не стал бы поднимать шум. Он огляделся. Спуститься в трюм, в пассажирские каюты? Там его могут запереть. Нет, его преимущество — в его чувствах и в том, что он знает об их присутствии. А они о том, что он знает, еще не догадываются.

Жюльен двинулся вдоль борта, стараясь ступать бесшумно, по-кошачьи. Он зашел за грудку пустых клеток для птицы и начал перебирать содержимое своей сумки. "Кайкен" — хорошо. Но против человека, который, возможно, вооружен, этого мало. Ему нужно было что-то еще. И тут его взгляд упал на дверь с табличкой "Камбуз".

Камбуз. Кухня. Его территория. Здесь, на этом старом, пропахшем прогорклым маслом судне, была кухня, а на кухне всегда есть все, что нужно для создания маленького ада. Он толкнул дверь. Она оказалась незапертой. Кок, толстый веселый неаполитанец, уже разливал по тарелкам томатный суп для команды.

— Эй, месье! Сюда нельзя посторонним! — воскликнул он, увидев Жюльена.

— Я не посторонний, — спокойно ответил Жюльен, доставая из кармана несколько крупных купюр. — Я шеф-повар Жюльен Кросс. Мне нужно одолжить у вас немного специй. Для очень важного блюда. Это вопрос жизни и смерти.

Кок, польщенный визитом знаменитости (а он, видимо, узнал Жюльена), и, главное, привлеченный видом денег, кивнул.

— Берите, что хотите, маэстро. Но что за блюдо вы готовите в такое время?

— Месье, — коротко ответил Жюльен. — Холодное блюдо. И подается оно в полной темноте.

Он быстро оглядел полки. На них стояли большие жестяные банки с надписями: "Перец кайенский", "Куркума", "Горчичный порошок". Жюльен схватил банку с самым острым перцем, какой только нашел, — чистый капсаицин в порошке, используемый для приготовления сверхострых соусов в ничтожных количествах. Он стоял целое состояние, но на камбузе, видимо, кто-то любил острую пищу. Затем он взял бутылку с концентрированной уксусной эссенцией, стеклянную банку с кристаллами каустической соды, используемой для прочистки труб, и алюминиевую фольгу. А также маленькую стеклянную пипетку.

— Мне понадобится еще старый мясницкий фартук и пара резиновых перчаток, — добавил он. — И, пожалуйста, закройте дверь изнутри и не выходите, пока не услышите, что все стихло.

Кок, поняв, что дело серьезно, вытарашил глаза, но спорить не стал.

Жюльен разложил свои ингредиенты на маленьком разделочном столике. Время работало против него. Он насыпал на квадрат фольги горсть порошка кайенского перца, капнул на него эссенцией, добавил несколько кристаллов соды. Пошла реакция. Порошок начал шипеть, превращаясь в вязкую, маслянистую пасту. Он завернул эту пасту в фольгу, сделав подобие маленькой дымовой шашки с узким отверстием. Затем взял другой кусок фольги, свернул воронку и закрепил на горлышке бутылки с уксусной эссенцией. В бутылку он осторожно, через воронку, засыпал кристаллы соды и быстро, но плотно закрыл крышку, в которой пред-

варительно проделал отверстие. Это было простое, но эффективное химическое оружие. При контакте соды с кислотой начнется бурная реакция с выделением углекислого газа, который, не имея другого выхода, с огромной силой вытолкнет кислотную струю через отверстие.

Он надел резиновые перчатки, клеенчатый фартук, закрывавший его с ног до головы, и натянул на лицо марлевую повязку, смоченную водой. Он был готов. Теперь он сам был блюдом. Блюдом, которое подают врагу.

Он вышел на палубу. Стемнело. Море было черным, небо — усыпанным яркими, колющими звездами. Пассажиры попрятались в каютах и баре, спасаясь от прохладного ветра. Только одинокая фигура все так же стояла у борта, но теперь к ней присоединилась вторая. Жюльен прислушался к ветру. До него донеслись обрывки фраз.

— ...не появлялся. Возможно, в каюте.

— Проверь. Я останусь здесь. Если он нас вычислил, то уже где-то рядом. Нюхач опасен накоротке.

Жюльен, прячась за спасательной шлюпкой, оценил дистанцию. Около пятнадцати метров. Ветер дул от них к нему — это плохо. Его химическая атака будет снесена обратно. Надо заходить с наветренной стороны. Он, пригнувшись, пробежал к носу парома и начал осторожно пробираться к преследователям вдоль противоположного борта, перешагивая через бухты канатов.

Когда до них оставалось метров пять, один из них, тот, что собирался идти в каюту, вдруг обернулся. У него было лицо человека, который привык убивать и не испытывать по этому поводу никаких эмоций. Он заметил Жюльена. Его рука метнулась к поясу, но Жюльен уже действовал.

Он швырнул фольговую бомбу. Она, шипя и разбрасывая искры, упала прямо под ноги преследователям. Раздался громкий хлопок, и в воздух поднялось облако едкого, оранжево-красного дыма. Дикая смесь капсаицина, уксусной кислоты и продуктов реакции. Даже Жюльен, находившийся в пяти метрах и в защитной повязке, почувствовал, как защипало глаза. А его противники закашлялись, закричали, схватившись за лица.

— Глаза! Я ничего не вижу!

Один из них, тот, что был в противообонятельном костюме, попытался отступить, но вдохнув едкий дым, потерял ориентацию и врезался в фальшборт. Жюльен не дал им опомниться. Он шагнул вперед, держа перед собой бутылку с кислотой, как пистолет. Направив отверстие в крышке на первого, кто попытался выхватить оружие, он резко встряхнул бутылку и сжал ее. Струя концентрированной кислоты ударила точно в руку с пистолетом.

Вой. Нечеловеческий, полный боли и ужаса. Пистолет упал. Кожа на руке мгновенно вздулась волдырями.

Второй, пытаясь проморгаться, достал свой пистолет и выстрелил наугад. Пуля просвистела мимо уха Жюльена, ударив в металлическую надстройку. Жюльен метнулся в сторону, перекатился, схватил с палубы обретенную монтировку. Он не хотел убивать. Ему нужна была информация. Один из них должен был выжить.

Он обрушил монтировку на руку стрелявшего. Хрустнула кость. Пистолет упал на палубу и покатился за борт, в черную воду. Затем он ударил наотмашь по лицу, отправляя противника в глубокий нокаут.

Третий, тот, что был в противообонятельном костюме, все еще был дезориентирован, но уже приходил в себя. Жюльен подскочил к нему, сорвал с его лица маску, открыв незащищенные органы чувств, и поднес к его носу маленький, плотно закрытый флакон, который он все это время носил на цепочке на шее, как талисман. Это был его *ultima ratio*, последний довод, который он приготовил на камбузе из остатков каустической соды и нашатыря. Так называемая "нюхательная соль дьявола".

Человек вдохнул и забился в конвульсиях. Его нервная система, атакованная чудовищной концентрацией аммиака, сдалась.

Жюльен огляделся. Бой, длившийся меньше минуты, завершился. Три тела лежали на палубе. Двое были без сознания, третий стонал, баюкая обожженную руку. Он схватил последнего за грудки и рывком поднял, удерживая над бортом.

— Имя! Имя заказчика! Быстро, или ты покормишь рыб!

— Я не знаю! — прохрипел наемник. — Клянусь! Приказы приходят через посредника. В Катании. Человек по имени Фабрицио. У него цветочный магазин в центре. "Фьоре дель Этна". Он — связной. Мы должны были доложить ему о твоей смерти!

— Дон Тициано, — резко сказал Жюльен, встряхивая его. — Кто он?

— Старик... — прохрипел наемник, теряя сознание от боли. — Он держит все черные рынки от Мессины до Сиракуз. Специи, наркотики, яды... Фабрицио — его племянник. Больше я ничего не знаю!

Жюльен разжал руки. Тело наемника рухнуло на палубу. Цветочный магазин "Фьоре дель Этна" в Катании. Это была уже не ниточка. Это была путеводная нить. Он связал троих бесчувственных наемников их же собственными ремнями и пластиковыми наручниками, которые нашел у одного из них в кармане, и оставил лежать на кормовой палубе, подальше от глаз пассажиров. Через несколько часов паром прибудет в Палермо, и там их найдет портовая охрана. К тому времени Жюльен будет уже далеко.

Он спустился в свою каюту, небольшой, без иллюминатора пенал, и сел на койку. Его била крупная дрожь. Не от страха. От выброса адреналина. Это был его первый настоящий бой, и он выжил. Более того, он победил. Его дар, его уникальный нюх, дополненный знаниями химии, оказался оружием не менее эффективным, чем пистолет. Он нащупал в сумке кофр с ножами. "Кайкен" был чист, он даже не успел его использовать как следует. Но он знал, что это только начало. Там, в Катании, у подножия дымящегося вулкана, его ждут не уличные шестерки, а профессионалы. И тот, главный, Призрак, который уже дважды пытался его убить, не получив результата, будет ждать его там. Ждать и готовить свою смертельную ловушку, пахнущую пеплом и возмездием.

Жюльен лег и закрыл глаза. Под равномерный гул судовых двигателей, под мерное покачивание на средиземноморской волне он провалился в сон. На этот раз — без сновидений. Ему нужно было набраться сил. Завтра его ждала Сицилия. Остров, где запахи прошлого переплетаются с ароматами смерти. Остров, где на склонах вулкана зреет трава, способная вершить возмездие.

Глава 3. Тень вулкана

Палермо встретил Жюльена запахом жженого сахара и гниющего мусора, смешанным с соленым дыханием моря. Едва паром "Тринакрия" пришвартовался к пирсу старого порта Калла, как в раскрытые двери грузового трюма хлынула волна горячего, влажного воздуха, насыщенного тысячами ароматов, которые он не чувствовал уже много лет. Запахи Сицилии были густыми, животными, лишенными парижского лоска. Они били в ноздри, как крепкое неразбавленное вино, и на мгновение даже Жюльен, с его гипертрофированным обонянием, почувствовал головокружение.

Он стоял у борта, глядя на город, амфитеатром поднимающийся от моря к горам. Низкое, еще утреннее солнце окрашивало обшарпанные фасады палаццо в оттенки охры и терракоты. Пальмы на набережной Форо Италико раскачивались под порывами сирокко, горячего ветра из Африки, несущего с собой мельчайшую пыль Сахары. Жюльен смотрел на все это, но думал только об одном — о следе, который привел его сюда.

Трое наемников, связанных на кормовой палубе, остались в прошлом. Он не знал, нашли ли их портовые власти или они сами освободились, но это уже не имело значения. Он передал коку на камбузе щедрую плату за испорченные ингредиенты и попросил забыть о его существовании. Судя по выражению лица неаполитанца, тот был рад избавиться от сумасшедшего француза с его адскими химическими опытами.

Спустившись по шаткому трапу на причал, Жюльен смешался с толпой прибывающих. Здесь были туристы с рюкзаками, сицилийские эмигранты, возвращающиеся на родину с чемоданами, набитыми подарками, рыночные торговцы, толкающие тележки со свежей рыбой. Он, в своей потертой куртке и с простой спортивной сумкой, не выделялся из общей массы. Его "нюхаческий набор" и оружие были надежно спрятаны в багаже, а лицо не выражало ничего, кроме легкой усталости путешественника.

Он не стал задерживаться в Палермо. Город был прекрасен в своем упадке, величествен в своей барочной пышности и трагичен в своей нищете. Арабские купола, норманнские соборы, испанские балконы — все смешалось здесь в причудливый архитектурный коктейль. Но Жюльен знал, что за этим фасадом скрывается другой Палермо — город невидимых границ, поделенных между соперничающими кланами, город, где слово "семья" имеет двойное, а то и тройное дно. Здесь, среди узких улочек квартала Кальса или шумного рынка Балларо, человека могли убить за косой взгляд, и никто бы никогда не нашел тела. Жюльен не боялся. Но он был осторожен. Его цель находилась на другом конце острова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.